

DOI 10.18522/2500-3224-2023-2-151-162

УДК 821.111

ТРАВМА ИСТОРИИ В РОМАНЕ АРУНДАТИ РОЙ «БОГ МЕЛОЧЕЙ»

Хабибуллина Лилия Фуатовна

Казанский федеральный университет,

Казань, Россия

fuatovna@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются способы отображения травматического опыта колонизации в художественной литературе на материале романа Арундаты Рой «Бог мелочей». Травма истории играет большую роль в постколониальной литературе, наряду с травмой миграции и травмой самоидентификации. В романе Арундаты Рой отображение травмы истории связано с художественным исследованием «следов» колонизации в жизни отдельной индийской семьи, каждый из членов которой по-своему становится носителем исторической травмы, что проявляется, в частности, в сюжете насилия. Предметом особого внимания автора романа становится положение субалтерна, при этом происходит феминизация жертвы насилия. Способы воплощения травматического опыта в романе открывают большую традицию в литературе — это молчание, то есть неспособность говорить о травме, и память тела. «Близнечный» сюжет позволяет рассмотреть варианты проживания травматического опыта. Личная травма реализуется в мотиве ошибки, который так же, как и сюжет насилия, предваряет множество произведений подобного рода (где историческая травма раскрывается через мотив ошибки) в английской литературе. Посредством сюжета ошибки в романе иллюстрируется вторичная травма младших поколений колонизованного народа.

Ключевые слова: Арундаты Рой, англоязычная литература, травма истории, сюжет насилия, мотив ошибки, вторичная травма.

TRAUMA OF HISTORY IN ARUNDATHI ROY'S NOVEL "GOD OF SMALL THINGS"

Khabibullina Lilia F.

Kazan Federal University,
Kazan, Russia
fuatovna@list.ru

Abstract. The article discusses ways of depicting the traumatic experience of colonization in fiction on the material of the novel "The God of Small Things" by Arundhati Roy. The trauma of history is of great importance in post-colonial literature, along with the trauma of migration and the trauma of self-identification. In the novel by Arundhati Roy, the depiction of the trauma of history is associated with the study of the "traces" of colonization in the life of a certain Indian family, each of whose members in their own way becomes the bearer of historical trauma, which is manifested, in particular, in the plot of violence. The position of the subaltern becomes the subject of special attention of the author of the novel, while the feminization of the victim of violence takes place. The ways in which the traumatic experience is embodied in the novel reveal a great tradition in literature – this is silence, that is, the inability to talk about trauma and the memory of the body. The "twins" plot allows to consider options for going through a traumatic experience. Personal trauma is realized in the motif of mistake, which, like the plot of violence, precedes many works of this kind (where historical trauma is revealed through the motif of error) in English literature. Through the plot of a mistake the novel illustrates the secondary trauma of the younger generations of the colonized people.

Keywords: Arundhati Roy, English literature, story trauma, violence plot, error motif, secondary trauma.

Цитирование: Хабибуллина Л.Ф. Травма истории в романе Арундати Рой «Бог мелочей» // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 2. С. 151–162. DOI 10.18522/2500-3224-2023-2-151-162 / Khabibullina L.F. Trauma of History in Arundhati Roy's Novel "God of Small Things", in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2023. No. 2. Pp. 151–162. DOI 10.18522/2500-3224-2023-2-151-162.

© Хабибуллина Л.Ф., 2023

Основным типом исторической травмы в постколониальной литературе становится травма колонизации, которая обычно в произведениях постколониальных авторов затрагивает одно или несколько поколений семьи. Главная особенность такой ситуации (описываемой авторами преимущественно на материале истории) состоит в том, что представители колонизованных наций воспринимают систему ценностей колонизаторов и сами начинают ее транслировать, оценивая себя и своих соотечественников в соответствии с ней. В литературоведении, вслед за постколониальной теорией, этой проблеме уделяется не так много внимания, хотя, как замечает Ирэн Визер, «для постколониальной реконфигурации теории травмы ее размышления об истории являются решающим аспектом»¹ [Visser, 2011, p. 274], то есть теория травмы и постколониальная теория, по мнению исследовательницы, «сходятся» именно в точке истории. В то же время в трудах отечественных литературоведов, занимающихся постколониальной и мультикультурной проблематикой [Толкачев, 2005; Сидорова, 2003; Тлостанова, 2000], проблемы миграции, детерриторизации, самоидентификации занимают гораздо больше места, чем вопросы влияния истории на сознание мигранта, тогда как для самих авторов литературных произведений изучение «следов» колонизации, на наш взгляд, остается весьма значимым и болезненным — следовательно, эта проблема нуждается в более детальном изучении. Например, ситуацию «передачи» колониального наследия посредством виртуозной метафоры представляет Салман Рушди в романе «Дети полуночи», описывая «прихоть» англичанина Уильяма Месволда, продавшего индийским семьям свои дома дешево, но с условием сохранить в них нетронутой всю обстановку и продолжать принятый образ жизни вплоть до официального объявления независимости: «Но до отъезда остается всего двадцать дней, вещи водворяются на место, острые углы сглаживаются; никто и не заметил, как это произошло: имение, имение Месволда, что-то меняет в своих жильцах. Каждый вечер ровно в шесть они пьют коктейль у себя в саду, а когда заходит Уильям Месволд, без всяких усилий по-оксфордски растягивают слова; они учатся включать вентилятор, пользоваться газовой плитой и кормить по часам хохлатых птиц; и Месволд, наблюдая за превращением своих жильцов, что-то бормочет себе под нос» [Рушди, 2006, с. 115]. Это постепенное подстраивание жителей Индии под своих колонизаторов приводит к тому, что привычка остается и после освобождения и, несмотря на раскрытый «секрет» Месволда (он носит парик) и его исчезновение, его «наследие» в виде оставленных им домов и незаконнорожденного сына продолжает воздействовать на жизни состоятельных индийцев, которые когда-то соблазнились на дешевизну его предложения.

Как отмечает С.П. Толкачев: «Одна из важных особенностей мультикультурной прозы заключается в попытке автора противостоять западным версиям реальности и «приписывать» новым образам независимые идентичности вместо того, чтобы «воспроизводить» их. Поскольку невозможно создать национальный дискурс, полностью независимый от западного колониализма, главным следствием

¹ For a postcolonial reconfiguration of trauma theory, therefore, its thinking about history is a crucial aspect (здесь и далее цитаты из англоязычных источников даны в переводе автора статьи. — Л.Х.).

возникновения мультикультурной литературы становится размывание западного колониального дискурса» [Толкачев, 2013]. Болезненное осознание того, какую роль в сознании человека Востока играет «западная версия реальности», и попытка отыскать ее истоки и есть, по сути, описание исторической травмы в колониальном романе. Историческая травма, даже не являясь главной в сюжете постколониального романа, основу которого составляют травма миграции (второе поколение) и травма самоидентификации (третье поколение), тем не менее представляет интерес с точки зрения своей функции в произведении, поскольку определяет две последующие травмы.

Как уже упоминалось, историческая травма предопределяет последующий травматический опыт через постоянное повторение, «отыгрывание» [Фрейд, 1993, с. 57–59] травмирующей ситуации, возвращение последующих поколений в той или иной форме к травме предков. Конфликт с колонизаторской системой ценностей может быть описан в сюжете произведения или развиваться как конфликтный фон. Особенно в этом смысле интересны произведения, написанные женщинами, поскольку в них историческая травма неизбежно осложнена женской травмой, так как женщина, согласно Гаятри Спивак, становится дважды угнетенной, или дважды субалтерном в колониальном обществе [Спивак, 2001]. Ярким примером отыгрывания становится роман З. Смит «Белые зубы», где историческая травма становится одной из основ сюжета: например, один из главных героев Самад Икбал постоянно возвращается к роли своего предка в восстании сипаев: «Мой прадедушка Мангал Панде... — он оглянулся, надеясь, что имя произвело впечатление, но увидев лишь плоские, как блин, английские физиономии, продолжил: — ... был великим героем Восстания сипаев в Индии! Молчание. — Тысяча восемьсот пятьдесят седьмого года! Именно он первым выстрелил мерзкой пулей, смазанной свиным салом, и отправил ее в небытие!» [Смит, 2005, с. 53]. Это событие, обстоятельства и значимость которого неоднократно оспариваются в романе, определяет самоидентификацию героя, его отношения с историей в целом, с окружающими людьми, способ воспитания детей и прочее. В романе само событие, которое становится персонализированным выражением коллективной травмы, манифестируется героем изначально и в дальнейшем профанируется на авторском уровне, так как приводит героя к многочисленным жизненным заблуждениям. Ему противопоставляется история развращения юной ямайки Амброзии агличанином Чарли Дэремом, которая символизирует отношения колонизатор-колонизируемая и определяет внутренний сюжет романа [см. подробно: Хабибуллина, 2021].

Важным аспектом рассматриваемого ниже произведения нам кажется то, что оно среди прочих обозначает узловую точку в развитии представления о травматическом опыте в западной гуманитарной науке, момент, когда на рубеже XX–XXI вв. именно под воздействием постколониальной литературы, репрезентирующей не только западную картину мира, появляется представление о преодолении травматического опыта и рассмотрение его как шанса для возрождения. Как пишет Ирэн Визер: «Гегемония эстетики теории травмы должна была быть расширена

во взаимодействии с постколониальной теорией и переосмыслена, чтобы рассуждать не только о меланхолии и застое, но и процессах, вызывающих возможность восстановления»¹ [Visser, 2011, p. 279].

Творчество индийской писательницы Арундати Рой (Arundhati Roy, 1961) становится предметом спора в публицистике и литературоведении во многом благодаря ее активной политической позиции, которая проявляется и в многочисленных публикациях против индийского правительства, антиглобалистской позиции [например: Рой, 2011]. Исследователи ее творчества видят в ней как последовательного критика политики Запада в отношении Востока, так и жертву своего рода «интеллектуальной колонизации», подобную тем, кого она описывает в своих романах. Так, Мириам Нанди отмечает: «В частности, в то время как Рой критикует колониальное наследие, ниспровергая английский язык, ее критика не может преодолеть ее собственное участие в англизированных, элитарных стереотипах рассмотрения маргинализированных, низших классов и низших каст, «субалтернов» («угнетенных»). В романе Рой субалтерн (угнетенный) изображается одновременно недостижимым и желанным, морально превосходящим и физически совершенным, но также и отвратительным преступником, подлым и отвратительным»² [Nandi, 2010, с. 176].

Роман Арундати Рой «Бог мелочей» (*The God of Small Things*, 1996), удостоенный Букеровской премии — это один из всего лишь двух романов писательницы. Произведение привлекает внимание именно последовательным отображением того, как колониальное прошлое буквально продолжает разрушать жизнь каждого жителя страны спустя много времени после обретения независимости, как отметил Грег Фортер: «“Бог мелочей” стремится показать преемственность колониального прошлого с постколониальным настоящим и, следовательно, связь между Домом истории и более широким социальным миром»³ [Forter, 2014, с. 93].

В романе Рой собственно историческое травматическое событие, которое так ярко представлено, например, у З. Смит, отсутствует, историческая травма перерастает в травматический фон, который и определяет развитие сюжета. Личная травма разворачивается в травматический сюжет, где первоисточник травмирующей личной ситуации, в полном соответствии с «правилами» травматического повествования, раскрывается лишь в финале. Итак, сюжет романа разворачивается преимущественно в Индии вокруг гибели Софи, двоюродной сестры близнецов Эсты и Рахель, которые послужили невольной причиной ее смерти; обвинен в убийстве

¹ Hegemonic trauma theory's aesthetics would need to be expanded in the intersection with postcolonial theory and reconceived to theorize not only melancholia and stasis but also processes inducing resilience.

² More specifically, while Roy criticizes the colonial legacy through subverting the English language, her critique cannot overcome her own participation within Anglicized, elite patterns of viewing the marginalized, lower class and lower caste “subaltern”. In Roy's novel, the subaltern is portrayed as simultaneously unreachable and desirable, morally superior and physically perfect, but also as an abject criminal, mean and disgusting.

³ *God of Small Things* aims to reveal the continuity of the colonial past with the postcolonial present — and hence, the links between the History House and the wider social world.

девочки был неприкасаемый Велютта, друг детей и любовник их матери. Лишь к финалу раскрываются все обстоятельства того, как семилетние двойняшки, Рахель и Эста, стали невольной причиной того, что их британская двоюродная сестра Софи утонула.

Рассмотрим индивидуальную травму. Внимание исследователей в романе привлекает прежде всего «близнечный» сюжет: единство двойняшек Эсты и Рахель, финальный эпизод, когда упомянутое в начале романа «единство душ» переходит в «единство тел». В качестве травмированного субъекта в романе предстает Эста, утративший речь после происшествия, что, как известно, становится одним из основных маркеров травмы: «Медленно, год за годом Эста отдалялся от мира. Ему стал привычен этот осьминог, бесцеремонно обосновавшийся в нем и прыскавший на его прошлое транквилизатором чернильного цвета. Мало-помалу первопричина немоты стала ему недоступна, погребенная где-то среди глубоких, спокойных складок молчания как такового» [Рой, 2015, с. 17]. Молчание Эсты, его постепенное «выпадение» из мира «нормальных» людей становится наиболее явным проявлением травмированности, как и его повторяющиеся действия. Именно утрата речи начиная с исследований Фрейда [Фрейд, 1993] считается главным признаком травмы, то есть на сюжетно-образном уровне травма обозначена молчанием главного героя. В последние десятилетия невозможность говорить становится настолько общим местом как маркер травмированного сознания, что появилась целая группа исследователей, которая сопротивляется этому [Mandel, 2007; Forter, 2007; Forter, 2011]. Важной мыслью, высказанной в этой связи, нам представляется мысль Барри Штампфла: «Поскольку — опять же — если мы думаем о невыразимом как о тропе, определенном способе выражения, мы должны признать, что невыразимое всегда уже (как это ни парадоксально) является частью универсума дискурса, формой значения»¹ [Stampfl, 2014, с. 25]. Следуя этой мысли, можно говорить, что молчание Эсты становится и частью нарративного уровня, который разворачивается преимущественно в связи с образом Рахель. В данном случае Рахель становится «голосом» Эсты на повествовательном уровне, так как именно она посредством несобственно-прямой речи, в данном случае указывающей на близость ее позиции авторской, представляет историю читателю.

Помимо речи важнейшим «хранилищем» травмы является тело, и именно телесные реакции как никакие другие свидетельствуют о травмированном сознании (это убедительно доказывает Джеффри Хартман [Hartman, 1995, с. 541]) и о значимости тела в сохранении памяти о травме: воспоминание можно вытеснить, но следы от ран на теле останутся. В случае Эсты вторым, телесным, признаком травмы становится «расхаживание», случившееся с героем после смерти его пса: «Когда Кхубчанд умер, Эста принялся расхаживать. Он расхаживал без отдыха часами. Поначалу поблизости от дома, но с каждым разом удаляясь все больше и

¹ For—again—if we think of the unspeakable as a trope, a certain way of speaking, we must recognize that the unspeakable is always already (paradoxically) part of a universe of discourse, a form of signification.

больше. Люди привыкли видеть его на улицах. Чисто одетый мужчина со спокойной походкой» [Рой, 2015, с. 17]. Важно, что в литературе травмы на рубеже веков наибольший интерес привлекает не травма «жертвы», а травма «преступника», что многократно повторяется в романах с «детским» сюжетом применительно именно к исторической травме (написанные позже романа Рой «Искушение» Макьюэна, «Шпионы» М. Фрейна, «Пять четвертинок апельсина» Дж. Харрис, по сути, разворачивают тот же сюжет о том, как детская игра, детская неосведомленность привела к большим последствиям в критический момент истории). Однако в романе Арундаты Рой убедительно продемонстрировано, что роль преступников навязана детям их собственными родными. Вся история общей травмы двойняшек и детской вины выступает параллелью к исторической травме, где расстановка исторических сил репрезентируется жизненной позицией членов семьи, также переживших травму и реагирующих на нее по-разному.

Второй способ проживания травмы, который свойственен уже Рахель, осуществляет связь между Большой и Малой историей: «Он (американец, муж Рахель. — Л.Х.) не знал, что есть на свете места — например, страна, в которой родилась Рахель, — где разные виды отчаяния оспаривают между собой первенство. Не знал, что личное отчаяние — это еще слабейший его вид. Не знал, как оно бывает, когда личная беда пытается пристроиться под боком у громадной, яростной, кружащейся, несущейся, смехотворной, безумной, невозможной, всеохватной общенациональной беды. Что Большой Бог завывает, как горячий ветер, и требует почтения к себе. Тогда Малый Бог (уютный и сдержанный, домашний и частный) плетется восвояси, ошеломленно посмеиваясь над своей глупой отвагой. Проникшись сознанием собственной несостоятельности, он становится податливым и подлинно бесчувственным. Все можно пережить. Так ли уж много это значит? И чем оно меньше значит, тем оно меньше значит. Не столь уж важно. Потому что случилось и Худшее. В стране, где она родилась, вечно зажатой между проклятьем войны и ужасом мира, Худшее случилось постоянно» [Рой, 2015, с. 20]. Это противопоставление Большого и Малого становится лейтмотивом романа и отчетливо обозначает обусловленность личного травматического опыта исторической ситуацией колонизации.

Обусловленность личной истории далекой историей страны утверждается в романе постоянно. Приведем еще один пример открытой авторской декларации: «Однако, утверждая, что все началось с приезда Софи-моль в Айеменем, мы принимаем лишь одну из возможных точек зрения. С таким же успехом можно сказать, что на самом деле все началось тысячи лет назад. Задолго до зарождения марксизма. До того, как англичане захватили Малабарский берег, до прихода голландцев, до появления Васко да Гамы, до завоевания Каликута Заморином. До того, как троих убитых португальцами сирийских епископов в пурпурных мантиях нашли плавающими в море со свернувшимися кольцами на груди морскими змеями и застрявшими в бородах устрицами. Можно сказать, что все началось задолго до того, как христианство приплыло на судне и просочилось в Кералу, как чай из чайного пакетика» [Рой, 2015, с. 38].

Семейная травма. Смерть Софи приводит к распаду семейных связей. Связь личного, семейного и исторического обозначается не только на уровне авторского голоса, вполне открыто и подробно, как мы видим, но и на уровне сюжета и персонажей, особенно членов семьи. Если Эста и Рахель выступают как жертвы своей детской вины за смерть Софи-моль и Велюты и символически репрезентируют травму истории в качестве ее носителей, то остальные члены семьи в свою очередь репрезентируют силы истории, становятся ее орудием. Главная проблема этой семьи, как и всей индийской политической и культурной элиты — то, что дядя близнецов Чакко обозначает как «англофилию». Сам Чакко, получивший оксфордское образование, демонстрирует полную непригодность к деятельности, но зато озвучивает самые болезненные проблемы страны: «Чакко заявил близнецам, что, как ни тяжело в этом признаваться, все они сплошь англофилы. Англофильская порода. Люди, уведенные в ложном направлении, увязшие вне собственной истории и не способные вернуться назад по своим же следам, потому что следы эти стерты. Он сказал, что история похожа на старый дом среди ночи. В котором зажжены все огни. В котором тихо шепчутся предки. ... И понять, о чем они шепчут, мы не можем, потому что разум наш захлестнула война. ... Война, которая берет в плен мечты и перекраивает их. Война, которая заставила нас восхищаться нашими поработителями и презирать себя» [Рой, 2015, с. 44].

Как видно, функция образа Чакко — функция героя-идеолога — транслировать часть авторских концептуальных идей о роли колонизации в большой истории Индии (ему же принадлежит развернутая метафора о земле — сорокашестилетней женщине [Рой, 2015, с. 45]), а также демонстрировать несостоятельность такого рода «англофильского» существования (Амму утверждала, что о способностях Чакко лучше всего говорит печальная, но совершенно предсказуемая судьба собираемых им авиамоделей). Заметим, что когда представители семьи оказываются в западных странах, они включаются в деятельность сферы обслуживания в качестве «экзотического» компонента (Рахель работает официанткой в индийском ресторане в Нью-Йорке, Чакко продает «индийские древности» в Канаде).

Если третье поколение семьи (Эста, Рахель, Софи) представляет собой жертву, «второе» функционирует как герои-резонеры или идеологи (не только Чакко, но и мать близнецов Амму, как мы видели, постоянно дают четкие оценки окружающим людям и ситуациям), то носителями колониализма в колонизованном мире и подлинным источником трагедии выступают представители первого поколения — Крошка-Кочамма и Паппачи. Крошка-Кочамма связана с колонизаторами через своего отца, священника И. Джона Айпа, и молодого ирландского священника, в которого она была влюблена в юности. Ее страсть к садоводству и любовь к американскому телевидению также становится метафорой ее ментальной принадлежности к колонизаторскому миру, именно она обучает двойняшек английскому языку и литературе и не разрешает говорить на родном языке. Наиболее зловещей выглядит сюжетная роль Крошки-Кочаммы, которая вместе с Маммачи обвинила Велютту в попытке изнасилования Аммы, и, чтобы скрыть любовь племянницы к

неприкасаемому, заставила Эсту оговорить неприкасаемого (паравана) Велютту и обвинить его в похищении и смерти Софи, она же настояла на разлучении двойняшек и отправке Эсты к отцу.

Одна из признанных метафор колониализма — это насилие и сексуальные домогательства, источником которых становятся старшие индийские мужчины, а объектом выступают женщины и дети из второго и третьего поколений. Это эпизоды с Паппаччи, который избивает жену и дочь, эпизод с Эстой и Апельсиново-Лимонным Газировщиком, который происходит в кинотеатре во время просмотра английского фильма, а также истории о похождениях Чакко, — все они так или иначе увязываются с колониальным мышлением. Например, Паппаччи: «Он слонялся по территории консервной фабрики в одном из своих безукоризненно сшитых костюмов, уныло петляя меж холмиков красного перца и свежесмолотой желтой куркумы, наблюдая, как Маммаччи распорядится покупкой, взвешиванием, засолкой и сушкой лаймов и молодых манго. Каждый вечер он бил ее латунной цветочной вазой. Побои не были новостью. Новостью была частота, с какой они начали происходить. Однажды Паппаччи сломал смычок женой скрипки и бросил его в реку» [Рой, 2015, с. 49]. Грег Фортер предлагает рассматривать это насилие как социальное, а не личное, и более того — как социально признанное¹ [Forter, 2014, p. 99]. Немногим лучше выглядит поведение Чакко: «Чакко называл себя марксистом. Он приглашал к себе в комнату хорошеньких работниц семейной фабрики и под предлогом разъяснения прав трудящихся и законов о профсоюзах безобразно с ними заигрывал. <...> Избалованный барин решил поиграться в «товарищей». Оксфордская аватара старой доброй заминдарской ментальности: помещик, навязывающий свою благосклонность зависимым от него женщинам» [Рой, 2015, с. 67]. Во втором поколении именно мужчина (Чакко), получивший образование в Оксфорде, любимец отца, становится источником насилия, направленного на его сестру Амму и ее детей.

Кульминацией насилия в романе становится избиение Велютты полицейскими: «Сами не понимая того, Эстаппен и Рахель стали в то утро очевидцами клинической демонстрации в контролируемых условиях (все-таки это была не война и не геноцид) человеческого стремления к господству. К структуризации. К порядку. К полной монополии. То была человеческая История, являющая себя несовершеннолетней публике под личиной Божьего Промысла... Это не было изолированное избиение, это не была личная разборка. Это была поступь эпохи, впечатывающей себя в тех, кому довелось в ней родиться» [Рой, 2015, с. 378]. В этой сцене ярче всего проявлена маскулинная природа насилия, которая ассоциируется с колонизацией и западной цивилизацией. Несмотря на то, что субъектом насилия не всегда становится мужчина (достаточно вспомнить роль Крошки-Кочаммы), а объектом — не всегда женщина (например, Велютта и Эста), тем не менее, объект насилия

¹ I'm suggesting we read the events called "the Terror" as an explosively social reenactment of the father's violence toward Ammu and Mammachi — inasmuch as that violence was always social rather than narrowly personal, and inasmuch as it has yet to be grappled with or socially reckoned.

очевидно приобретает феминные, а субъект маскулинные черты, что соответствует тем гендерным ролям, которые ассоциируются с английской колонизацией.

Разрушение семьи происходит вследствие того, что старшие члены семьи выступили своего рода заменой колонизаторов по отношению к младшим и наименее защищенным ее членам. Надежда на возрождение задается через символическое объединение противоположностей в сцене соединения близнецов, этот сюжетный ход, апеллирующий к мифологической традиции, преодолевает неразрешимость травмирующего опыта на уровне личности, но не дает аналогичной надежды социуму, представленному в романе семейным кланом.

Таким образом, травма истории в романе Арундати Рой – это травма колонизации, орудием которой становятся социально значимые члены индийского общества, то есть то, что в сцене в кино обозначается как большое существо, а жертвами – самые слабые – дети, женщины и представители низших рас (маленькое существо), на которых возлагается вина за историю. Колонизация как травмирующее событие в истории Индии проявляется как вторичное и дальнейшее травмирование в последующих поколениях, главным же травмирующим фактором становится то, что индийцы, впитавшие систему ценностей колонизаторов, сами становятся орудием истории и причиной отыгрывания травмы в последующих поколениях.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Рой А. Бог мелочей. Пер. с англ. Л. Мотылев. М.: АСТ. 2015. 384 с.

Рой А. Революция фановой трубы, или Рейганомика по-индийски // *Скепсис*. 28 июня 2011. URL: http://scepsis.net/library/id_3044.html (дата обращения – 10 декабря 2022 г.).

Рушди С. Дети полуночи. Пер. с англ. А. Миролубовой. М.: Лимбус-Пресс. 2006. 760 с.

Сидорова О.Г. Британский постколониальный роман последней трети XX века в контексте литературы Великобритании. Екатеринбург: Изд. УрГУ, 2005. 261 с.

Смит З. Белые зубы. Пер. О. Качановой. М.: изд. О. Морозовой, 2005. 672 с.

Спивак Г.Ч. Могут ли угнетенные говорить? // Введение в гендерные исследования. Часть II. Хрестоматия. СПб.: ХЦГИ, 2001. С. 649–670.

Тлостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. М.: «Наследие», 2000. 400 с.

Толкачев С.П. Мультикультурализм в постколониальном пространстве и кросс-культурная английская литература // *Информационно-гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение»*. 2013. № 1 (январь-февраль). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/1/Tolkachev_Multiculturalism-Cross-cultural-Literature/ (дата обращения – 10 декабря 2022 г.).

Толкачев С.П. Мультикультурный контекст современного британского романа. М.: Лит. ин-т им. А.М. Горького, 2003. 404 с.

Фрейд З. Человек по имени Моисей и монотеистическая религия. Пер. с нем. Р.Ф. Додельцева; М.: Наука, 1993. 172 с.

Хабидуллина Л.Ф. Постколониальная травма в английской женской литературе XXI в. // *Имагология и компаративистика*. 2021. № 15. С. 89–104.

Forster G. Colonial Trauma, Utopian Carnality, Modernist Form: Toni Morrison's *Beloved* and Arundhati Roy's *The God of Small Things* // *Contemporary Approaches in Literary Trauma Theory*. Ed. by Michelle Balaev. Palgrave Macmillan. 2014. Pp. 70–106.

Forster G. *Gender, Race, and Mourning in American Modernism*. Cambridge UK: Cambridge University Press, 2011. 226 p.

Forster G. Freud, Faulkner, Caruth: Trauma and the Politics of Literary Form // *Narrative*. 15.3.2007. Pp. 259–285.

Hartman G.H. Traumatic Knowledge and Literary Studies // *New Literary History*. 1995. Vol. 26. № 3. Higher Education. Pp. 537–563.

Mandel N. *Against the Unspeakable Complicity, the Holocaust, and Slavery in America*. Charlottesville: U of Virginia P, 2007. 304 p.

Nandi M. Longing for the lost (m)other – Postcolonial ambivalences in Arundhati Roy's *The God of Small Things* // *Journal of Postcolonial Writing*. 2010. Vol. 46. № 2. Pp. 175–186.

Stampfl B. Parsing the Unspeakable in the Context of Trauma // *Contemporary Approaches in Literary Trauma Theory*. Ed. by Michelle Balaev. Palgrave Macmillan. 2014. Pp. 15–42.

Visser I. Trauma theory and postcolonial literary studies // *Journal of Postcolonial Writing*. 2011. 47:3. Pp. 270–282.

REFERENCES

Roy A. *Bog melochei* [God of small things]. Transl. from English. L. Motylev. Moscow: AST. 2015. 384 p. (in Russian).

Roy A. *Revolutsiia fanovoi truby, ili Reiganomika po-indiiski* [Fan pipe revolution, or Reaganomics in Indian style], in *Skepsis*. June 28, 2011. Available at: http://scepsis.net/library/id_3044.html (accessed 10 December 2022).

Rushdie S. *Deti polunochi* [Children of Midnight]. Transl. from English by A. Mirolyubova. Moscow: Limbus-Press. 2006. 760 p. (in Russian).

Sidorova O.G. *Britanskii postkolonial'nyi roman poslednei treti KhKh veka v kontekste literaturny Velikobritanii* [British post-colonial novel of the last third of the 20th century in the context of British literature]. Yekaterinburg: UrGU Publ., 2005. 261 p. (in Russian).

Smith Z. *Belye zuby* [White teeth]. Transl. by O. Kachanova. Moscow: O. Morozova Publ., 2005. 672 p. (in Russian).

- Spivak G.Ch. Mogut li ugnennye govorit'? [Can the oppressed speak?], in *Introduction to Gender Studies. Part II. Reader*. St. Petersburg: KhTsGI, 2001. Pp. 649–670 (in Russian).
- Tlostanova M.V. *Problema mul'tikul'turalizma i literatura SShA kontsa XX veka* [The problem of multiculturalism and US literature of the late twentieth century]. Moscow: Heritage, 2000. 400 p. (in Russian).
- Tolkachev S.P. Mul'tikul'turalizm v postkolonial'nom prostranstve i kross-kul'turnaia angliiskaia literatura [Multiculturalism in the post-colonial space and cross-cultural English literature], in *Information and humanitarian portal "Knowledge. Understanding. Skill"*. 2013. No. 1 (January–February). Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/1/Tolkachev_Multiculturalism-Cross-cultural-Literature/ (accessed 10 December 2022).
- Tolkachev S.P. Mul'tikul'turnyi kontekst sovremennogo britanskogo romana [The multicultural context of the contemporary British novel]. Moscow: Lit. in-t im. A.M. Gorky, 2003. 404 p. (in Russian).
- Freud Z. *Chelovek po imeni Moisei i monoteisticheskaia religii* [A Man Called Moses and Monotheistic Religion]. Transl. by R.F. Dodeltseva; Moscow: Nauka, 1993. 172 p. (in Russian).
- Khabibullina L.F. Postkolonial'naia travma v angliiskoi zhenskoi literature XXI v. [Postcolonial trauma in English women's literature of the 21st century], in *Imagology and comparative studies*. 2021. No. 15. Pp. 89–104 (in Russian).
- Forster G. Colonial Trauma, Utopian Carnality, Modernist Form: Toni Morrison's *Beloved* and Arundhati Roy's *The God of Small Things*, in *Contemporary Approaches in Literary Trauma Theory*. Ed. by Michelle Balaev. Palgrave Macmillan. 2014. Pp. 70–106.
- Forster G. *Gender, Race, and Mourning in American Modernism*. Cambridge UK: Cambridge University Press, 2011. 226 p.
- Forster G. Freud, Faulkner, Caruth: Trauma and the Politics of Literary Form, in *Narrative*. 15.3.2007. Pp. 259–285.
- Hartman G.H. Traumatic Knowledge and Literary Studies, in *New Literary History*. 1995. Vol. 26. No. 3. Higher Education. Pp. 537–563.
- Mandel N. *Against the Unspeakable Complicity, the Holocaust, and Slavery in America*. Charlottesville: U of Virginia P, 2007. 304 p.
- Nandi M. Longing for the lost (m)other – Postcolonial ambivalences in Arundhati Roy's *The God of Small Things*, in *Journal of Postcolonial Writing*. 2010. Vol. 46. No. 2. Pp. 175–186.
- Stampfl B. Parsing the Unspeakable in the Context of Trauma, in *Contemporary Approaches in Literary Trauma Theory*. Ed. by Michelle Balaev. Palgrave Macmillan. 2014. Pp. 15–42.
- Visser I. Trauma theory and postcolonial literary studies, in *Journal of Postcolonial Writing*. 2011. 47:3. Pp. 270–282.

Статья принята к публикации 10.04.2023